

О Якове

Поговори со мною, Евдокия,
О Якове поговори...
«Я помню как, подрагивая выей,
Жизнь восходила светом от земли,
И сизые клонились ковыли...»

Как лопнул купол, как звенела тонко
Над лошадиным крупом тишина.
Как я несла по снегу жеребёнка
И девочку свою не донесла
До срока, до июньского раската,
До той зарницы, вспыхнувшей вдали.
Так в мир приходят иноки, солдаты,
Когда их оставляют журавли.

Над мартовской мерцающей купелью
Прозрачное её светилось темя
И рот чернел на пике задыханья.
И всё-таки владела нами
Жизнь безраздельно.
Я дала ей имя».

Всё так и было? Верно, Евдокия?
Она кивает и уходит снова
За белый край, за светлый окоём.
Не проронив о Якове ни слова.
Ни слова не ответив мне о нём.

Колодец

Когда в колодце кончилась вода,
Он возомnil себя первопроходцем.
Декабрь стоял, стояли холода.
Дымы стояли, заслоняя солнце..
Он вниз скользил, вычерпывал песок
И каменюки.
До той поры, пока подземный сок
Не брызнул в руки.
А после никнул стылою спиной,
Всем зябким телом
Ко мне в ночи, что к той печи,
Чтоб отогрела.
Подумалось: из темной полыни
Отца и брата
Так вынимают.. Теплились огни
И я горбато,
Как птица нависала над птенцом.
Под утро он порозовел лицом.
А мне с тех пор повеяло покоем.
Как будто сердце стало ледяное.

Снится странное

Снится странное: кто-то болен.
Навещать идешь с узелком.
У разрушенной колокольни
Баба старая с молоком,
И коза с бубенцом на шее.
А потом вдруг вода-вода.
Рыбаки тянут, тянут невод.
Невода вокруг, невода.

И не выпутаться, не скрыться.
Здесь, куда не уtkнется взор,
Белокаменная больница,
Над полынью забор-забор.
Флигелёчек. Телам в нём тесно..
В санитарской руке свеча —
То ли лампа Николы Теслы,
То ли лампочка Ильича.

Не хватает ни сил, ни веры.
Онемеешь душой. И ртом
Ловишь воздух, как краснoperый
Окунь, выплеснутый в ведро.
Но приходит тот самый близкий
И берется за локоток —
Мимо гипсовых обелисков
Переправить через порог.

Отведёт. Отпустить не хочет.
Оттолкнёт и летишь — изгой.
В лодке ждет тебя перевозчик,
Крутит крепкою головой.
Признаешь в нем соседа Витьку,
Убиенного невзначай..
Палисадник скрипит калиткой.
Отступает вода за край.

Фрида

Не говорить, но тонко примечать.
Дитя невоплощённое качать
На трубочке прозрачной пуповины.
Они приходят тихи и невинны,
На лицах их архангела печать.
Казалось, дело, в сущности, за малым.
Так ты лежишь простёртой Фридой Кало
В потоке, и несёт тебя поток.
Над головой стеклянный завиток
Плаценты и свеченье голубое.
Вас изначально в мире было трое.
Согласно наивысшему порядку,
Дитя сквозь сон наматывает пряжку
На пальчик свой фантомно-восковой,
И пуповины обод золотой
Смыкается, соединяя души.
Не всё ль равно,
Когда и кем надкушен
Был плод пунцовный с косточкой тугой.

Подорожник

Расставание с отцом невозможно,
Потому что половина его в тебе.
Вдоль тропы нахоженной подорожник,
За тропою спящие во гробех.
Половина дерзкая, бог с тобою!
Я тебя в себе как дитя ношу.
Неспокойный свет твой не упокоен
И подвластен только карандашу.
Высветляет он и глаза, и лица,
И нутро до донышка, без прикрас.
Погляди, мой свет, это что за птица?
И какое дело ему до нас.

* * *

Гляди покуда хватит сил,
Как жизнь главенствует над тленьем.
Вот одуванчик белокрыл
Вспорхнул. Он пережил цветенье
И перешёл в небытие,
Несомый духом вездесущим,
И распылился по земле
На радость и во вред живущим.
Упрямый дачник кропотлив
Сезонный ворошит задачник.
Набил оскомину мотив
Назойливый. Взлетает мячик
Над непокрытой головой
В гряду уткнувшейся соседки.
Грядущее, Господь с тобой!
Пока, как яблоки на ветке
Взрослеют дети, тлеет гнёт
Прошедшего. Пока есть времya.
И одуванчика полёт
Над всеми.